

Выступление российской делегации по п. 5 «Общие положения» повестки дня

По сфере применения, охвату конвенции и применению терминологии.

На данном этапе следует обсуждать широкий охват будущей конвенции, не втягиваясь в спор о терминах.

Предметом правового регулирования будущего документа будет являться противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. В процессе такой деятельности важно выявлять, предупреждать и пресекать преступления на ранней стадии их подготовки. В связи с этим Российская Федерация предлагалось включить в проект конвенции комплекс аспектов международного правоохранительного сотрудничества, предусматривающих выявление, предупреждение, пресечение и расследование преступлений.

Однако, в проекте консолидированного переговорного документа (КПД) данному вопросу не уделено достаточно внимания, а регламентация международного сотрудничества в сфере пресечения таких преступлений в некоторых ее положениях вовсе исключена. Такой подход, на наш взгляд, может сужать предмет регулирования конвенции и создавать определенные трудности в правоприменительной практике в дальнейшем.

В этой связи предлагается следующее:

дополнить пункт «а» статьи 1 КПД такими действиями как выявление и расследование, заменив слова (по предупреждению и пресечению) словами «по выявлению, предупреждению, пресечению и расследованию»;

пункт «b» этой же статьи 1 изложить в следующей редакции: «поощрение, облегчение и укрепление международного сотрудничества в сфере выявления, предупреждения, пресечения и расследования использования информационно-коммуникационных технологий в преступных целях».

пункт 1 статьи 3 КПД после слова «выявлению» дополнить словом «пресечению»;

подпункт «а» пункта 1 статьи 55 КПД после слова «в целях» дополнить словами «выявления, предупреждения, пресечения».

По терминологии. В обоснование использования терминологии «информационно-коммуникационные технологии» (далее – ИКТ) вместо «кибер», необходимо отметить, что мандат Специального межправительственного комитета ООН для разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях и соответствующая резолюция Генеральной ассамблеи ООН предусматривают использование именно ИКТ-терминологии.

Очевидно, что это обусловлено более широким охватом ИКТ-терминологии по сравнению с «кибер»-терминологией, и в большей степени

отвечает формату всеобъемлющей конвенции, разработка которой поручена Специальному комитету.

Выступающие в ходе состоявшихся сессий Специального комитета делегаты и эксперты неоднократно отмечали, что преступники все чаще используют ИКТ для совершения преступлений, в том числе, изобретая способы их применения для совершения так называемых традиционных преступлений.

Также нельзя исключить, что в ближайшие годы, учитывая стремительное развитие технологий, могут появиться новые средства информационных коммуникаций, не основанные на использовании традиционных компьютеров.

Более того, злоумышленники уже успешно применяют средства коммуникации (мобильную связь) для совершения мошенничества и хищения денежных активов у населения.

При этом используются не специальные технологии или познания в компьютерных разработках, а только методы «социальной» инженерии, когда мобильный телефон используется лишь для коммуникации с жертвой.

Таким образом, всеобъемлющий характер разрабатываемой конвенции однозначно предполагает использование широкого охвата преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, и кибер-составляющей, на наш взгляд, недостаточно для такого охвата уже на текущий момент времени, а с развитием технологий и изобретательности преступников ситуация только усугубится.

Данный подход обеспечит актуальность разрабатываемой конвенции на многие десятилетия вперед.

По этим же основаниям целесообразно предусмотреть в конвенции возможность охвата ей иных противоправных деяний, совершаемых с использованием ИКТ.

Поскольку проводится разделение между «киберзависимыми» (cyber dependent) и «киберинструментальными» (cyber enabled) преступлениями, «киберпреступность» может потенциально включать в себя обе данные сущности, что, в свою очередь, может отвечать позиции нашей страны.

Что касается терминов, отметим следующее.

Термин «компьютерные данные», как и термин «цифровая информация» могут быть приравнены к «компьютерной информации».

Что касается возможного расхождения в части «компьютерных систем» и «систем/устройств ИКТ» по нашему мнению, компьютерную систему можно понимать, как информационную систему, представляющую собой «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств».

В этой связи термин «информационно-коммуникационные технологии», по нашему мнению, является наиболее удачным в данном контексте ввиду общности его характера. Использование предлагаемых отдельными странами формулировок, в частности «мошенничество с использованием [компьютеров]», «хищение с использованием [компьютеров]», «использование [компьютерной системы] для вовлечения

несовершеннолетних в совершение противоправных действий» и т.д., может значительно сузить применение данных составов преступлений.

Полагаем, что совершение большинства из содержащихся в консолидированном документе преступлений возможно посредством эксплуатации информационно-коммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

Вместе с тем термин «компьютерная система» при его приравнивании к термину «информационная система» в понимании российского законодательства не включает в себя информационно-коммуникационные сети и электронные устройства, которые напрямую не обеспечивают обработку содержащейся в определенных базах данных информации.

По гендерной проблематике. Пункт 2 статьи 5 проекта вносит правовую неопределенность. Из текста статьи по-прежнему не понятно, каким именно образом государства-участники должны будут в рамках противодействия ИКТ-преступлениям «учитывать гендерные аспекты», а также «принимать во внимание специальные обстоятельства и потребности уязвимых групп, в частности, женщин, детей и пожилых».

Как нам представляется, следует исходить из того, что все лица, независимо от возраста, пола и гендерной самоидентификации, должны в равной мере пользоваться правами и свободами, в том числе вытекающими из международно-правового сотрудничества их государств. Соответствующий подход основан, в частности, на статье 1 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а также статье 3 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., согласно которой «государства обязуются обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими и политическими правами».

Как следствие, предлагаемый в нынешней редакции пункт 2 статьи 5 проекта может быть уместен для некоего абстрактного универсального международного документа о защите прав «уязвимых лиц» и сексуальных меньшинств, но не специализированного инструмента правоохранительного сотрудничества. Логичным в этой связи выглядит и то, что в Конвенции против коррупции и Конвенции против транснациональной организованной преступности, равно как и многосторонних конвенциях о правовой помощи, в которых участвует Россия, положения о гендерном равенстве отсутствуют.